

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2006**

Э.Д. Фролов

Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архегета)

В 2006 г. исполняется 120 лет со времени смерти Михаила Семеновича Куторги (1809-1886) и со дня рождения Сергея Ивановича Ковалева (1886-1960). Виртуальная встреча во времени этих двух замечательных родоначальников отечественного антиковедения глубоко символична. С этими фигурами связаны два разных этапа в жизни петербургской кафедры античной истории, они олицетворяют два разных поколения и два различных типа исследователей античности.

М.С. Куторга по праву считается родоначальником не только оригинальной русской школы антиковедения, но и, более широко, Петербургской исторической школы. Он происходил из дворянской среды, получил превосходное, последовательное образование сначала в Петербургском университете, затем, второй раз, в Профессорском институте в Дерпте, после чего еще почти три года стажировался в Берлинском университете. С вступлением его в 1835 г. на кафедру всеобщей истории в Петербургском университете открылась новая эра в отечественной университетской науке. Вместо людей случайных, хотя временами и оригинальных (непосредственным предшественником Куторги был Н.В. Гоголь) на университетскую кафедру наконец вззошел подлинный ученый.

Куторга читал курс всеобщей истории в виде трех последовательных разделов, на каждый из которых он отводил по году: древняя история, средневековая и новая. По своим научным интересам он тяготел к античности, к древней Греции, а еще конкретнее – к Афинам. Но это был, так сказать, частный, специальный интерес, что не исключало у Куторги и более широкого взгляда на исторический процесс, а огромная эрудиция позволяла ему одному справляться с такой широкой задачей, как чтение полного курса всеобщей истории. Сам этот курс он впервые в России представил с опорой на источники и

научную литературу нового времени. По признанию одного из его учеников, В.В. Бауера, он решительно порвал с “гимназическими взглядами и приемами” своих предшественников. Содержанием его курса был не элементарный рассказ о прошлом, а вдумчивый анализ исторического процесса с обсуждением и критикой принятых точек зрения. Помимо чтения общего курса, он первым в России стал вести специальный семинар с избранным кругом учеников. По примеру немецких профессоров, он вел этот семинар у себя дома, посвящая занятия разбору тех сочинений, которые готовили его ученики.

Университетские учебные занятия естественно дополнялись у Куторги большой ученой и писательской деятельностью. Он много успел опубликовать при своей жизни, но главный его труд вышел посмертно: это – обширное исследование под названием “Афинская гражданская община по известиям эллинских историков” (опубликовано в рамках двухтомного «Собрания сочинений М.С. Куторги», 1894-1896), первый в России и один из первых в мировой литературе труд, посвященный наиболее актуальной проблеме современного антиковедения – проблеме полиса.

Блестящий университетский лектор и выдающийся ученый, Куторга обладал, по воспоминаниям современников, импозантной внешностью. Высокого роста, мощного сложения, с сильным, выразительным голосом, он был живым воплощением университетского Профессора с большой буквы, более того – патриарха целого научного направления. К этому добавлялась и особенная черта характера – горделивое сознание собственного значения, убеждение в том, что он выполнял в университете высокую миссию ученого наставника. Не всем его коллегам это нравилось, некоторые из них обвиняли Куторгу в высокомерии. Особенно трудно и остро сложились отношения у маститого профессора со студенческой аудиторией: студенты-шестидесятники были охвачены демократическим порывом, их интересовала не столько наука, сколько политика, и они начали устраивать Куторге, который не разделял их венаучные увлечения, не шел на компромисс с ними, разного рода обструкции. К стыду Ученого совета Историко-филологического факультета, надо признать, что этот важный орган университетского управления пошел на поводу студенческих настроений и в 1869 г., при избрании Куторги на очередной пятилетний срок, забаллотировал его. Дело приобрело скандальную окраску, и министерство – надо отдать ему должное – предоставило Куторге возможность преподавания в другом, именно Московском универси-

тете. Там он прослужил еще пять лет, после чего вышел в отставку и, поселившись в своей усадьбе Борок (в Белоруссии, недалеко от Могилева) оставшиеся годы жизни посвятил созданию выше названного труда об афинской гражданской общине.

Куторга должен был уйти из Петербургского университета, но он успел подготовить там целую школу учеников, среди которых были такие признанные позднее величины, как Ф.Ф. Соколов, продолжавший непосредственно главное дело Куторги – преподавание и изучение античной истории, В.Г. Васильевский, позднее обратившийся к византиноведению, и В.В. Бауер, положивший начало специальному изучению истории нового времени. Все это были люди достойные, но не обладавшие той всеобъемлющей эрудицией, которая отличала Куторгу. Не было у них и тех горделивых претензий на исключительное положение в науке, которые отличали их великого наставника. Они были более склонны к компромиссам, что было естественно для людей их социального статуса. Они были выходцами из мещан, иначе говоря – разночинцами, и такими же были по большей части и их собственные ученики В.В. Латышев, А.В. Никитский, С.А. Жебелев и др. На долю этих последних выпало действовать в драматический период российской истории – на рубеже XIX-XX вв., в эпоху революций, которые привели к падению старого режима, а вместе с тем и к разрушению той системы классического образования, порождениями и служителями которой они сами были.

Между тем, к счастью для русской культуры и гуманитарной науки, катастрофа не оказалась столь безусловной, как это порой представлялось и представляется тем, кто с сожалением вспоминает о старом времени. Целый ряд факторов содействовали тому, что после первых лет “лихолетья” (так определял время революции и послереволюционных передрыг С.А. Жебелев до тех пор, пока его решительно не одернула новая советская власть) исподволь началось возрождение занятий всеобщей и, в частности, древней историей, а вместе с тем и создание условий для организации соответствующих учебно-научных центров – новых исторических кафедр в ведущих университетах страны, в Москве и Ленинграде.

К числу этих факторов надо отнести естественное сохранение исторического интереса, не истребленное совершенно революционными переворотами. Русская культура, сколько бы она ни подвергалась радикальным метаморфозам, сохраняла извест-

тную связь и с православно-византийским своим истоком, и с западноевропейскими культурными традициями, к которым она приобщилась со времен Петра Великого. Важную роль при этом играла и продолжавшаяся ученая деятельность тех представителей старой школы, которым посчастливилось выжить и найти свое место в новой социальной системе (примером здесь может служить тот же С. А. Жебелев). С другой стороны, надо признать, что новая господствующая идеология, новая марксистская политэкономия и историософия, выросшая на почве западной гуманитарной культуры, также доставляла известные импульсы к историческим занятиям. Достаточно напомнить в этой связи о роли исторического материализма – постольку, конечно, поскольку речь может идти об оригинальной части марксистской философии до ее догматического окостенения.

В этой связи необходимо учесть и формирование нового слоя советской интеллигенции, которая более или менее искренне (это зависело от самих людей) принимала новую идеологию и новые, порожденные ею, концепции. Из этой среды вышло новое поколение отечественных антиковедов, прежде всего в Ленинграде, где естественным научным центром для них стала Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Именно здесь нашли пристанище и, более того, возможности для развертывания своей ученой деятельности такие крупные фигуры, как В. В. Струве, А. И. Тюменев, С. И. Ковалев, а под их руководством и более молодые – Д. П. Каллистов, К. М. Колобова, Р. В. Шмидт и др. Велико было значение деятельности сотрудников ГАИМК как в плане высокой теории, так и в более элементарном деле преподавания и изучения античной истории. В более общем плане речь должна идти прежде всего о разработке под руководством В. В. Струве и С. И. Ковалева марксистской концепции античного рабовладельческого общества, что было закономерным развитием более общего марксистского учения об историческом процессе как закономерной смене социально-экономических формаций. А в более конкретном отношении речь должна идти о воссоздании серьезного исторического образования в университетах, о создании в этой связи новых исторических факультетов, а на них, в Москве и Ленинграде, – новых кафедр древней истории.

Надо признать, что тон здесь задавала именно ленинградская школа антиковедов, которая сложилась в новом своем каче-

стве на рубеже 20-30-х гг. прошлого века. Господствующее идеологическое направление, проникнутое идеями марксизма, не исключало известного сохранения прежних ученых традиций, чему способствовала, как уже было сказано, деятельность таких представителей дореволюционной науки, сумевших найти себе место в новой действительности, как С.А. Жебелев. Замечательно в этом плане и личное сотрудничество Жебелева и Ковалева и в ГАИМК, и позднее, в Ленинградском университете.

В этих условиях особенно плодотворной и значимой оказалась ученая и организаторская деятельность С.И. Ковалева. После восстановления в полном объеме исторического образования в средней школе и в университете, на вновь созданном в 1934 г. историческом факультете Ленинградского университета он стал первым заведующим кафедрой древней истории (теперь кафедра истории древней Греции и Рима). Так, спустя сто лет после вступления М.С. Куторги на кафедру – в прежнем смысле, т.е. в должность профессора – всеобщей истории в Петербургском университете возникла кафедра античной истории как организационное подразделение на историческом факультете Ленинградского университета. Замечательна личность самого С.И. Ковалева, одного из лучших представителей русской демократически настроенной интеллигенции. Он обратился к марксизму и примкнул к социал-демократии еще до революции. В послереволюционные годы он вырос в блестящего лектора и преподавателя, органично соединявшего в своей деятельности высокий историософский интерес с конкретной исторической работой.

С.И. Ковалев стал читать на историческом факультете Ленинградского университета курс древней истории. По мере того, как кафедра пополнялась новыми специалистами и подрастало новое поколение преподавателей, он сосредоточил свое внимание на истории Рима. Занятие римской историей стало основным для него, что нашло отражение в создании замечательного оригинального курса истории Рима, изданного впервые в 1948, а позднее, уже после смерти автора, переизданного в 1986 г. Впрочем, занятие римской историей не исключало у Ковалева и других интересов – к эллинизму, к истории раннего христианства, к историографии античности. В этих областях науки древней истории, на новом витке ее развития, он также сыграл роль зачинателя, за которым последовали другие.

Конечно, Ковалев являл собой совершенно иной тип университетского профессора, чем Куторга. Внешне он не был особенно примечателен: невысокого роста, всегда одетый в скромный темно-синий костюм, с неторопливой походкой и спокойным, не слишком сильным голосом, он был более демократичен, чем первый архегет петербургской кафедры. Тем не менее, в нем было много внутреннего достоинства, он умел, если это было необходимо, твердо высказать свое мнение и поставить на место того, кто дерзал преступить грань дозволенного в ученом обиходе.

Надо подчеркнуть, что при всей своей скромной внешности Ковалев был мастером публичного выступления. Его университетские и публичные лекции можно было считать образцом высокого искусства: добротный исторический рассказ сочетался в них с глубокой идейной интерпретацией и великолепными портретными зарисовками (в курсе Рима – братьев Гракхов, Суллы и Помпея, Спартака и Цезаря).

Лишь один момент в ученой деятельности С.И. Ковалева может поставить в тупик: он не был создателем школы учеников, по крайней мере, в таком объеме, как это удалось Куторге. Возможно, это объясняется большой административной занятостью Ковалева, который помимо заведования университетской кафедрой много сил и времени отдавал просветительской работе (в обществе «Знание»), а позднее также и руководству Музеем истории религии и атеизма. Возможно также, что между ним, высоко интеллигентным профессором, и студенческой аудиторией, состоявшей преимущественно из молодых людей, вышедших из низших классов общества, стояла некая духовная преграда. При всей своей вовлеченности в дело строительства новой советской науки в нем ощущался некий аристократический интеллектуализм, который затруднял сближение студентов с профессором. Но это не помешало Ковалеву успешно осуществить формирование новой кафедры, где нашли себе место люди новой формации, такие, например, как К.М. Колобова и Н.Н. Залесский, которые стали действительными воспитателями нового поколения антиковедов.

Возвращаясь к началу этой небольшой заметки, мы еще раз хотели бы обратить внимание на переключку дат: год смерти родоначальника прежней Петербургской исторической школы стал годом рождения будущего создателя новой концепции и

нового учебно-научного центра античной истории, а между их выступлениями в качестве университетских профессоров пролегал временная полоса ровно в сто лет. Это лишний раз наводит на мысль о причудливости и прихотливости как научного развития, так и общественной жизни в целом.

